

Камчатка

Растет из языков подземного огня
колючих гор - за острой складкой складка.

Вулканами дымясь, туманами сипя,
из горьких вод вздымается Камчатка.

Здесь сотворенья гул. И россыпью углей
малиново светящийся кипрей.

Здесь молода земля - еще в ходу букварь,
опять учусь читать, читаю: Твердь и Тварь.

И прочно ляжет твердь, и встрепенется тварь,
и магма забурлит, ища себе исхода.

Горячий алфавит и каменный словарь,
у слова и горы единая природа.

И слово, и скала, есть грани - нет границ,
в колючие хребты впессованы эпохи.

Гортанный рев реки, габброид и гранит
переплелись в кузнечной суматохе.

Оранжевы снега над тесной далью горной,
где выхвачен восход из пышущего горна.

И гулко бьет прибор, как молот паровой.

Сутулый поплавок в воде увяз по плечи,
намечен чуть пейзаж откосов и лугов.
Какой-то ночедень - не утро и не вечер,
запаяна вода по кромке берегов.
Откосов и лугов, узлов и тайных петель
не отразит вода недвижимой реки.
Все снасти, все крючки, все невода, все сети,
насторожившись, ждут - все снасти, все крючки.
Все сбудется, придет, все вновь на место
встанет,
забудется, уйдет и унесет с собой,
останется, пройдет... О, это трепетанье,
удилище творца согнувшее дугой.

О, жизни будние приметы –
весомость хлеба, прочность стен.
Рука касается предметов
неодинаково совсем.
Здесь что-то есть от рифмованья,
неуловимо слово тронь...
Вся суть поэзии - касанье,
она не зеркало - ладонь.

Куст малины

Н.К.

Куст малины, как город у моря -
черепичные кровли, сады...
Постоим, и послышатся вскоре
нам глухие раскаты воды.
Там сейчас занимается утро,
покрывается охрой карниз,
самодельных суденышек утлых

узкий парус в долине повис.
И воды голубое свечение,
и отчетливый воздух так пуст...
На какие еще превращенья
ты способен, малиновый куст?
И зачем эта тяга к сравнениям,
разве сам по себе ты не прав?
На поляне, в траве по колени,
мощно-зелен, тяжело-кудряв.
В глубине твоей прячется птица,
ее голос беспечен и чист,
и под ветром слегка серебрится
вверх изнанкой повернутый лист.
Уколовший и душу, и пальцы,
куст малины невиданно густ.
И пора уже двигаться дальше -
не пускает малиновый куст.

Ночлег в пути

Твержу: забудется, запомнится,
клублюсь чужими голосами,
в слепое зеркало бессонницы
гляжу закрытыми глазами.

В чужом дому - чужие отзвуки,
течет луна по скатам крыши,
и души всех - живых и отживших
поют, а вот о чем - не слышу.

Ночлег в пути... Я это листывал,
и даже читывал немного -
равнина и река петлистая,
да плюс железная дорога,

и этот хор - живых и умерших,
и тяжкий перестук железа -
состав вконец ополоумевший
вдоль эту полночь перерезал.

Но ясно даже мне - не местному
и не пришедшемуя впору,
что не помеха он чудесному
и впрямь божественному хору...

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мерзлых полей домотканых холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына

Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, немного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь прошуршала по колбам стеклянным.

Все позади - и вокзалы и палубы,
угли костров и остывшие клятвы
на горизонте леса словно жалобы -
так же случайны и также невнятные.

В общем, ни прибывло жизни, ни убывло,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

В притихшем парке вдалеке
оркестр играет под сурдинку,
моторка на Москве-реке
стучит, как швейная машинка.
Мне жаль осеннюю швею,
она весь день кроит, кромсает.
Твою судьбу, судьбу мою
швом сострочить не совладеет.
Струят последнее тепло
сухие плиты парапета.
Спрошу — и не дождусь ответа,
и лето в Лету отошло.
Над попрозрачневшей водой
под тонким небом серебристым
мелькают велосипедисты
по эстакаде ветровой.
Они промчатся в даль и в тень,
и в колесе сольются спицы.
Запомнить музыку и день —
он никогда не повторится.

Прощай, прощай... Я не вернусь назад.
Смотри — уже не жалеюсь, не плачу.
Какой-то полустанок, старый сад...
Чего стыдиться нежности собачьей?
В суровом августе огромный звездопад.
Качнулся мир и по-иному замер.
Никто не спит, нигде вообще не спят,
лишь облака с закрытыми глазами.